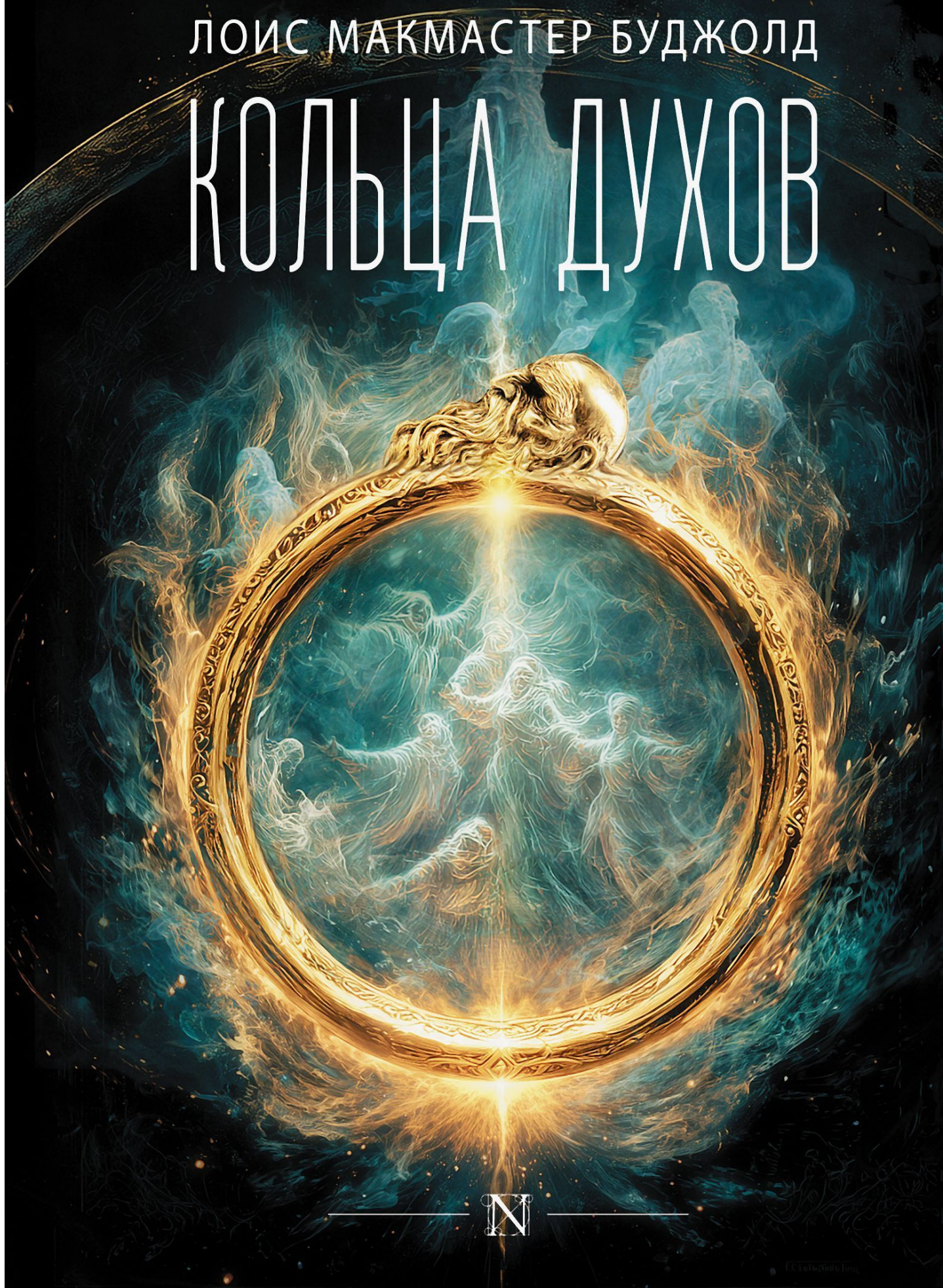

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

КОЛЬЦА ДУХОВ

Фантастика: классика и современность

Лоис Макмастер Буджолд

Кольца духов

«Издательство АСТ»

1978

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Буджолд Л.

Кольца духов / Л. Буджолд — «Издательство АСТ»,
1978 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-185690-8

Только вчера шестнадцатилетняя Фьяметта осваивала секреты мастерства под руководством своего знаменитого отца, скульптора и ювелира Просперо Бенефорте, планируя, как ее мечты воплотятся в сотни прекрасных произведений — от изысканных ваз, блюд и солонок до колец и ожерелий. Сегодня же Фьяметта — обездоленная беглянка, в одночасье лишившаяся и дома, и всех надежд. Но ей придется быстро повзрослеть, потому что лишь она одна обладает достаточными знаниями, чтобы противостоять демоническим козням...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-185690-8

© Буджолд Л., 1978

© Издательство АСТ, 1978

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лоис Буджолд Кольца духов

Lois McMaster Bujold
Spirit Ring

© Vonda N. McIntyre, 1978

© Перевод. И. Гурова, наследник, 2026

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Глава 1

Фьяметта повернула ком теплой красной глины, держа его в пальцах.

– Вы полагаете, батюшка, оно уже готово? – спросила она с тревогой. – Можно его разбить?

Ее отец накрыл ком ладонью, проверяя температуру.

– Еще нет. И положи его! В руках он быстрее не остынет.

Она вздохнула от нетерпения, но положила глиняный шар на рабочий стол под лучи утреннего солнца, лившиеся сквозь железную решетку окна.

– А вы не могли бы наложить на него остужающее заклятие?

– Вот я наложу остужающее заклятие на тебя, девочка, – засмеялся он. – Слишком уж много в тебе от стихии огня. Даже твоя мать это говорила. – Мастер Бенефорте машинально перекрестился и склонил голову, как положено, когда вспоминают покойников. Смех в его глазах поугас. – Не гори так жарко. Жар до утра сохраняют угли, если их сгрести в кучу.

– Но с ними спотыкаешься в темноте! – возразила Фьяметта. – Что горит жарко, горит ярко!

Она уперлась локтями в стол и, ерзая туфелькой по плиткам пола, посмотрела на плод своих трудов. Глина с золотым сердцем. В воскресных проповедях епископ Монреале частенько повторял, что человек есть прах. А прах ведь та же глина! На нее нахлынуло ощущение, что она едина с шаром на столе. Буроватый, неуклюжий снаружи (она опять вздохнула), но исполненный тайного обещания, если бы только его можно было взломать.

– Вдруг оно получилось с изъяном, – сказала она тревожно. – Пузырек воздуха... грязца...

Неужели он не чувствует его? Чистого, высокого тона, точно биение маленького сердца?

– Тогда ты его опять расплавишь и начнешь все сначала, пока не получится. – Ее отец пожал плечами. – Вина будет твоя, и поделом! Незачем было торопиться залить форму без меня. Ну, металл не пропадет. То есть не должен пропасть. Я тебя поколочу, как настоящего подмастерья, если ты позволишь себе такие штуки, на которые горазды подмастерья. – Он свирепо нахмурился, но не всерьез, как заметила Фьяметта.

Ее тревожила не потеря металла. Но она не собиралась открывать свою тайну, рискуя навлечь на себя неодобрение или насмешки. Когда она услышала шаги отца в прихожей, то тут же поплевала на фигуру, стерла ее рукавом, а символические предметы – соль, засушенные цветы, кусочек самородного золота, зерна пшеницы – смахнула со стола вместе с листком указаний, переписанных самым лучшим ее почерком. Фартук, в который она их смахнула, приютился на краешке стола, жутко бросаясь в глаза. Отец ведь разрешил ей применить только золото, а не... Она прислонилась бедром к высокому табурету, потеряла кожаный фартук, прикрывавший ее серое шерстяное платье, и втянула носом знобящий весенний воздух, который проникал в комнату сквозь незастекленное окно. «Но он сработал! Мой первый вклад сработал. Или хотя бы... не навредил».

Тяжелую дубовую входную дверь сотряс стук, и сквозь нее пробился мужской голос:

– Мастер Бенефорте! Эй, в доме! Просперо Бенефорте, вы что, спите?

Фьяметта вскарабкалась на стол, прижала лицо к решетке, заглядывая за край оконной ниши.

– Двое мужчин... дворецкий герцога мессер Кистелли, батюшка. И. – она просияла, – капитан-швейцарец.

– Ха! – Мастер Бенефорте поспешно снял собственный кожаный фартук и расправил тунику. – Может, он наконец принес мою бронзу! Пора бы уж! Никто не отодвинул засовы на двери нынче утром? – Он высунул голову в другое окно, выходящее во внутренний дворик,

и взревел: – Тесео, отвори дверь! – Его седеющая борода металась влево и вправо. – Где этот ленивый мальчишка? Беги открой дверь, Фьяметта. Только подбери волосы под чепчик, ты растрепана хуже прачки!

Фьяметта спрыгнула на пол, развязала ленты простенького чепчика из белого полотна и принялась зачесывать пальцами черные кудри, которые выбились наружу, пока она была поглощена работой. Затем завязала ленты потуже, но все равно пышные кудри вырывались из-под чепчика сзади и ниспадали заметно ниже плеч. Она пожалела, что поторопилась и не заплела их в косу на заре; прежде чем мчаться разводить огонь в маленьком горне с тиглем в углу мастерской до того, как отец проснется и спустится вниз. Еще лучше было бы надеть кружевной чепчик из Брюгге, который ей прошлой весной подарил отец в день ее пятнадцатилетия.

Стук возобновился.

– Эй, в доме!

Фьяметта, пританцовывая, пробежала по каменному полу прихожей, отодвинула засов, открыла дверь и сделала реверанс.

– Доброе утро, мессер Кистелли. – И чуть смущеннее: – Капитан Окс!

– А, Фьяметта. – Мессер Кистелли кивнул ей. – Мне нужен мастер.

Мессер Кистелли носил длинные черные одеяния будто ученый муж. Гвардеец, Ури Окс, был одет в ливрею герцогского дома – короткая черная туника с рукавами в красные и золотые полоски, черные чулки-трико. В это мирное утро он не надел ни металлического нагрудника, ни шлема, не взял с собой пики – только меч свисал с его бедра. Каштановые волосы прикрывала черная бархатная шапочка с кокардой герцога Монтефолья. Кокарду – пчела на цветке – ему сделал мастер Бенефорте, и позолоченная медь выглядела совсем как золото, не выдавая относительной бедности капитана. Швейцарец половину своего жалованья посылал на родину матери, шепотом рассказывал мастер Бенефорте, покачивая головой, то ли в восхищении от такой сыновней преданности, то ли осуждая такую нерасчетливость – Фьяметте это так и осталось неясным. Однако чулки обтягивали ноги капитана Окса без единой морщинки, не повиная складками, как у тощих юных подмастерьев или у высохших стариков.

– От герцога? – с надеждой спросила Фьяметта. Кожаный кошель, свисавший с пояса мессера Кистелли рядом с его очками, выглядел пузатеньким самым многообещающим образом. Но с другой стороны, герцог всегда обещает, говаривал батюшка. Фьяметта проводила их в большую мастерскую, где их встретил мастер Бенефорте, приветственно потирая руки.

– Доброе утро, почтенные господа! Уповаю, вы принесли мне хорошие вести о бронзе, которую герцог Сандрино обещал для моей великой работы? Шестнадцать чушек меди, вот как! Не меньше. Все уже устроено?

Мессер Кистелли только плечами пожал на такую настойчивость.

– Еще нет. Хотя, думается мне, мастер, к тому времени, когда будете готовы вы, будет готов и металл. – Он чуть насмешливо приподнял бровь, и мастер Бенефорте нахмурился. Фьяметта затаила дыхание: он умел учуять даже легкий намек на оскорбление, точно охотничья собака – дичь. Однако мессер Кистелли продолжал, погладив кошель на поясе: – Я принес вам от его светлости деньги на дрова, воск и плату подручным.

– Даже я не такой великий заклинатель, чтобы сотворить бронзу из воска и поленьев, – проворчал мастер Бенефорте. Но руку за кошелем протянул.

Мессер Кистелли чуть повернулся.

– О вашем умении, мастер, речи нет. Его светлость усомнился в быстроте вашей работы. Быть может, вы набираете слишком много заказов в ущерб всем?

– Я должен использовать свое время с толком, иначе моим домашним будет нечего есть, – уничтожающе сказал мастер Бенефорте. – Если его светлости герцогу будет угодно, чтобы его супруга перестала заказывать украшения, ему следует поговорить с ней, а не со мной.

– Солонка! – требовательно сказал мессер Кистелли.

– Тружусь над ней не покладая рук. Как я уже докладывал вам.

– Да, но окончена она?

– Осталось только наложить эмаль.

– И, быть может, действенное заклятие? – заметил мессер Кистелли. – Его вы уже наложили?

– Нет, не наложил! – произнес мастер Бенефорте тоном оскорбленного достоинства. – Ваш господин ждет от меня не призрачного заклятия знахаря или знахарки. Это заклятие неотъемлемое, накладывается с каждым ударом моего чекана.

– Герцог Сандрино поручил мне узнать, как продвинулась работа, – сказал мессер Кистелли чуть уступчивее. – Пока еще не объявлено, но мне велено сообщить вам под секретом, что идут переговоры о помолвке его дочери. И он желает, чтобы солонка была кончена вовремя для пира в честь помолвки.

– А! – Лицо мастера Бенефорте просветлело. – Случай, достойный моего творения. А на какое время назначен пир?

– На конец месяца.

– Так скоро! А кто же предполагаемый счастливый жених?

– Уберто Ферранте, синьор Лозимо.

Наступила многозначительная пауза.

– Теперь я вижу, почему его светлость так торопится.

Мессер Кистелли опустил ладони, кладя конец дальнейшим обсуждениям.

– Фьяметта! – Мастер Бенефорте повернулся к дочери и снял с пояса связку ключей. – Сбегай за золотой солонкой в сундуке у меня в спальне. Только не забудь запереть и сундук и дверь.

Фьяметта взяла ключи и вышла чинной походкой скромной девицы – не приплясывать же под взглядом капитана! Зато по лестнице из внутреннего дворика на верхнюю галерею она взбежала, прыгая через две ступеньки.

В большом, обитом железом сундуке в ногах кровати ее отца хранились десяток переплетенных в кожу книг, несколько толстых пачек бумаг и записок, перевязанных лентами (она с тревогой попыталась припомнить, уложила ли она их в прошлый раз строго по порядку) и лакированная шкатулка. Сундук благоухал запахами бумаги, кожи, чернил и магии. Она вынула тяжелую шкатулку, заперла сундук, а потом и комнату железными ключами с бородками прихотливой формы. Она почувствовала, как предохранительные заклятия скользнули на место вместе с засовами – легкое жжение в кончиках пальцев. Очень мощные, раз их вообще можно ощутить, памятуя, как ее отец стремится овладеть все новыми тонкостями своего искусства. Она спустилась в мастерскую. Ее легкие кожаные туфельки ступали по каменному полу почти бесшумно. Приближаясь к двери, она услышала голос капитана, и его слова заставили ее замереть у косяка.

– ...так матушка вашей дочери мавританка или арапка?

– Да эфиопка же! – вставил мессер Кистелли. – Она была вашей рабыней?

– Нет, она была христианкой, – ответил отец Фьяметты. – Из Бриндизи. – В его тоне Фьяметта различила сухость, относящуюся то ли к христианкам, то ли к Бриндизи, этого она решить не могла.

– Она, видимо, была красавица, – учтиво заметил капитан.

– Что так, то так. Да и я не всегда был такой дряхлой развалиной, каким стал сейчас. До того, как мне перебили нос, а волосы поседели.

Капитан Окс виновато хмыкнул, давая понять, что он вовсе не намекал на наружность мастера. Мессер Кистелли, человек тоже далеко не первой молодости, одобрительно усмехнулся.

– Она унаследовала ваш талант в вашем искусстве, мастер Бенефорте, хотя и не ваш нос? – осведомился мессер Кистелли.

– Она бесспорно куда искуснее моего косорукого подмастерья, который годится только, чтобы дрова носить. Ее рисунки и модели очень хороши. Ей я этого, конечно, не говорю, ведь нет ничего мерзее гордой женщины. Я позволил ей работать с серебром. А только что – и с золотом.

Мессер Кистелли испустил надлежащее изумленное «о» и добавил:

– Но я имел в виду ваше другое искусство.

– А-а. – Голос мастера Бенефорте куда-то ускользнул, оставив вопрос без ответа. – Такая напрасная трата усилий обучать дочь, которая все плоды вашего обучения и ваши секреты отдаст мужчине, ставшему ее мужем. Хотя, ежели некие благородные особы будут недоплачивать то, что положено художнику моего ранга, ее знания, возможно, окажутся единственным приданым, какое я за ней дам. – Он испустил тяжкий многозначительный вздох в сторону мессера Кистелли. – Я вам не рассказывал, как папа пришел в такой восторг от прекрасной золотой медали, которую я ему вычеканил для его облачения, что удвоил мою плату?

– Да, несколько раз рассказывали, – быстро вставил мессер Кистелли, – но без толку.

– Он намеревался, кроме того, сделать меня мастером монетного двора, но тут мои враги нашептали ему всякие клеветы, обвинив меня облыжно в некромантии, и я год гнил в темнице замка Святого Ангела...

Фьяметта слыхивала и эту историю. Она отступила на два-три шага, шумно зашаркала подошвами по плитам и вошла в мастерскую. Осторожно поставила ореховую шкатулку перед отцом и отдала ему ключи. Он улыбнулся, обтер руки о тунику и, шепотом произнес какое-то слово, открыл крышку. Потом отогнул края шелковой обертки, извлек содержимое и поставил среди прямоугольничков солнечного света на столе.

Золотая солонка засверкала, заискрилась, и у обоих посетителей перехватило дыхание. Фигуры были укреплены на овальном основании из черного дерева, богато изукрашенном. Прекрасная нагая женщина и сильный бородатый мужчина с трезубцем в руке (фигуры из золота величиной в ладонь) сидели, сплетя ноги.

– Как иные заливы заходят внутрь земли, – увлеченно объяснял мастер Бенефорте символический смысл этого.

Корабль (Фьяметте он казался более похожим на лодку) возле руки морского царя был самой тонкой работы и предназначался для соли; греческий храмик под изящно задрапированной рукой Земли-царицы служил перечницей. Вокруг мужчины резвились морские кони, рыбы и какие-то непонятные ракообразные; возле женщины радовались жизни счастливые создания суши.

У капитана отвисла челюсть, а мессер Кистелли отцепил очки от пояса, водрузил их на нос и жадно впился глазами в чудесную работу. Мастер Бенефорте, зримо надуваясь гордостью, указывал на мельчайшие, но важные детали и упивался изумлением своих посетителей. Первым опомнился мессер Кистелли:

– Да, но действует ли она?

Мастер Бенефорте щелкнул пальцами:

– Фьяметта! Принеси мне две рюмки и вина – кислого, которое Руберта употребляет для стряпни, а не хорошего кьянти. И еще белого порошка, которым она травит крыс в кладовой. И побыстрее!

Фьяметта убежала, наслаждаясь своей тайной. «Дельфинов нарисовала я! И зайчиков». Позади нее раздался громовой голос мастера Бенефорте, вновь призывающего Тесео, подмастерья. Она пронеслась через дворик в кухню и, прежде чем Руберта успела выговорить ей за спешку, объявила:

– Батюшке нужно...

– Да, девочка, побыюсь об заклад, обед ему тоже будет нужен, а огонь в печи погас. – Руберта ткнула деревянной ложкой в сторону выложенной голубым кафелем печи.

– Только и всего! – Фьяметта нагнулась, открыла чугунную дверцу и повернула лицо так, чтобы взглянуть в темный квадрат. Она на мгновение привела свои мысли в полный порядок. – Пиро!¹ – еле выдохнула она. Над погасшими углями взметнулись и затанцевали яркие голубовато-желтые языки пламени. – Этого должно хватить. – Она с удовольствием ощутила у себя на языке жар заклатья. Ну, хотя бы одно у нее получается. Вот даже батюшка об этом знает. А если одно, так почему бы и не другое?

– Спасибо, душенька, – сказала Руберта, повернувшись, чтобы взять чугунный котелок. Ароматы, веявшие над доской для рубки, свидетельствовали, что она намерена сотворить чудеса из лука, чеснока, розмарина и весеннего ягненка.

– Не стоит благодарности.

Фьяметта быстро положила на поднос все, что требовалось для показа, а рядом поставила две рюмки венецианского стекла – две прозрачные рюмки, уцелевшие из набора, которые разбила возчики, когда они переехали сюда, в Монтефолью, почти пять лет назад. Отец забыл упомянуть про соль и перец, и она быстро сняла баночки с высокой полки, водрузила на поднос и отнесла все это в мастерскую, держа спину прямо.

Улыбаясь про себя, мастер Бенефорте насыпал немножко соли внутрь корабля. На мгновение он словно обратил взгляд внутрь себя, прошептал что-то и перекрестился. Фьяметта потрогала мессера Кистелли за локоть, заметив, что он уже открыл рот, чтобы заговорить: она знала, что сейчас все решается. Гудение солонки, ответившее на шепот мастера Бенефорте, было низким, бархатным, но очень, очень слабым, хотя музыкальным и красивым. Еще год назад она бы его не ощутила. Как вот теперь мессер Кистелли.

– Перец, батюшка? – Фьяметта протянула ему банку.

– Сегодня нам перец не понадобится. – Он покачал головой, а потом положил полную ложку крысиного порошка в рюмку и обвязал ниткой ее ножку. После чего налил вина в обе рюмки. Порошок растворялся медленно, на поверхность поднимались мелкие пузырьки.

– Где этот пентюх? – пробормотал мастер Бенефорте, когда миновало несколько минут пустого ожидания. К счастью для Тесео, он не успел раздражиться еще больше: хлопнула наружная дверь, и подмастерье ввалился в мастерскую – шапочка съехала на ухо, один чулок обвисал, шнурки развязались. В подрагивающих руках он сжимал что-то, завернутое в тряпку.

– Мастер, на мусорной куче я только одну изловил, – виновато сообщил Тесео. – Вторая тяпнула меня и убежала.

– Ха! Может, придется взамен попробовать на тебе! – Мастер Бенефорте нахмурился. Тесео побледнел.

Мастер Бенефорте взял у него тряпку, в которой, как оказалось, была заключена крыса – большая, злобного вида, с желтыми обломанными зубами и облезлой шерстью. Тесео пососал прокушенный большой палец. Крыса лязгала зубами, шипела, извивалась и пищала. Крепко держа ее за шкуру, мастер Бенефорте взял тонкую стеклянную трубочку, опустил ее в рюмку с ниткой, набрал немножко ставшего мутно-розовым вина, влил его в крысиное горло и почти сразу опустил зверька на пол. Крыса снова лязгнула зубами, побежала, вдруг закружилась и начала кусать себя за бока. Потом свалилась в судорогах и издохла.

– Теперь смотрите, добрые господа, – сказал мастер Бенефорте.

Его гости наклонились поближе, а он взял щепотку соли и бросил ее в рюмку с нетронутым вином. Ничего не произошло. Тогда он взял щепотку побольше и бросил в отравленное вино. Соль будто вспыхнула, ее гранулы оранжево засверкали, с поверхности жидкости поднялось голубоватое пламя, словно зажгли коньяк, и продолжало гореть с минуту. Мастер

¹ Пиро – огонь (греч.).

Бенефорте неторопливо помешал жидкость трубочкой. Теперь она стала такой же прозрачной и рубиновой, как вино в нетронутой рюмке. Он взял обвязанную рюмку.

– Ну... – Его взгляд упал на Тесео, который пискнул, совсем как крыса, и испуганно попятился. – Ха! Недостойный пентюх, – бросил мастер Бенефорте презрительно. Он посмотрел на Фьяметту, и его губы изогнулись в странно-вдохновенной улыбке. – Фьяметта, выпей!

Мессер Кистелли охнул, а капитан протестующе сжал кулаки, но Фьяметта выпрямилась, одарила их гордой уверенной улыбкой и взяла рюмку из рук отца. Она поднесла ее к губам и осушила залпом. Капитан Окс снова подскочил, когда ее лицо исказилось, и в глазах мастера Бенефорте мелькнула легкая тревога, но она подняла руку, успокаивая их.

– Солено-кислое вино. – Она провела языком по зубам и слегка срыгнула. – На завтрак!

Мастер Бенефорте с торжеством улыбнулся дворецкому герцога:

– Действует ли она? Как будто бы да. Что и засвидетельствуете своему господину.

Мессер Кистелли захлопал в ладоши:

– Чудесно! – Однако его глаза то и дело обращались на Фьяметту.

А она с сожалением подавляла злокозненное желание схватиться за живот, упасть на пол и завизжать. Случай, хоть и мимолетный, был удобнейшим, однако мастер Бенефорте не понимал шуток, если шутили над ним, а его уважение к мести не распространялось на воздаяния за оскорбления, которые он наносил другим. «Такая напрасная трата усилий обучать дочь...» Фьяметта вздохнула.

Мессер Кистелли прикоснулся к золотому великолепию:

– И долго ли это будет сохраняться?

– Солонка – вечно, ибо такова неприступная природа золота. Заклятие очищения – лет примерно двадцать, если вещь как-нибудь не повредят и если ею не станут пользоваться без нужды. Молитва активации будет выгравирована на дне, ибо я убежден, что она переживет меня.

Мессер Кистелли почтительно шевельнул бровями:

– Так долго!

– Моя работа стоит полной цены, – сказал мастер Бенефорте.

Мессер Кистелли понял намек и отсчитал положенное герцогом жалованье, после чего Фьяметта была отправлена запереть в кованом сундуке и солонку, и кошель.

Когда она вернулась, мессер Кистелли уже ушел, но капитан Окс задержался и беседовал с ее отцом, как бывало часто.

– Идемте, Ури, во двор, – говорил мастер Бенефорте, – Взгляните на своего воинственного двойника до того, как я одену его в глиняную тунику. Я кончил накладывать воск всего два дня назад. Глина выдерживалась несколько месяцев.

– Кончили? Я и не думал, что вы так продвинулись, – сказал капитан Окс. – Так вы пригласите герцога осмотреть его нового воина?

Мастер Бенефорте кисло улыбнулся и прижал палец к губам.

– Я бы и вам не сказал, если бы мне не требовалось кое-что проверить напоследок. Я намерен отлить его втайне и преподнести моему нетерпеливому герцогу Монтефолья законченную статую. Пусть-ка мои враги обвинят меня тогда в медлительности!

– Но вы ведь работаете над ней более трех лет, – с сомнением сказал Окс. – Впрочем, всегда лучше обещать меньше и сделать больше, чем наоборот.

– Верно.

Мастер Бенефорте проводил молодого человека в открытый двор. Плиты там все еще укрывал утренний сумрак, хотя по стене прямо на глазах сползала полоса света, по мере того как солнце поднималось по небосводу. Фьяметта шла позади тихо-тихо, чтобы не привлечь внимания отца и не получить какого-нибудь докучного поручения, которое помешает ей послушать их разговор.

Под холщовым навесом стояла бугристая фигура в полтора человеческих роста, закутанная в полотно, будто в саване, призрачная в сером свете. Мастер Бенефорте встал на табурет и осторожно размотал предохранительные полотняные полосы. Первой появилась высоко поднятая сильная мужская рука, держа фантастическую отрубленную голову со змеями вместо волос, искаженную смертной гримасой. Затем спокойное героическое лицо под крылатым шлемом, затем – мало-помалу и вся нагая фигура. Правая рука сжимала узкий изогнутый меч. Выпуклые мышцы словно играли, и под вздетым с торжеством жутким трофеем статуя была будто сжатая, готовая взметнуться пружина. Ее почти прозрачная поверхность была покрыта золотисто-коричневым воском, от которого исходило легкое благоухание меда.

– Поистине, – благоговейно прошептал Ури, подходя ближе, – поистине это магия, мастер Просперо! Он словно вот-вот сойдет с пьедестала. Даже лучше гипсовой модели!

Мастер Бенефорте довольно улыбнулся.

– Тут нет магии, юноша. Чистое искусство, и только. Когда он будет отлит, то прославит мое имя вовеки! Просперо Бенефорте, мастер-скульптор. Невежественные болваны, называющие меня просто златокузнецом и медником, будут полностью посрамлены и онемеют в тот день, когда с него на площади совлекут покрывало. «Ювелир герцога»! Ха!

Ури как замороженный смотрел на восковое лицо героя.

– Я правда выгляжу так? Боюсь, вы слишком мне польстили, мастер Бенефорте!

Тот пожал плечами:

– Лицо идеализировано. Персей был греком, а не швейцарцем, не в рябинах, точно сыр. Бесценным для меня было ваше тело – как модель. Отлично сложенное, сильное, но без бугристости, столь частой у силачей.

Ури притворно задрожал:

– Великолепно или нет, но уж больше вы меня не уговорите служить нагой моделью зимой, пока сами сидите, кутаясь в меха.

– Так я же следил, чтобы в жаровне было полно углей. А мне казалось, что вы, горные козлы, к холоду не чувствительны.

– Когда не стоим на месте. Наши зимы заставляют нас трудиться как следует! А вот застывать, извернувшись точно веревка, это меня доконало. Целый месяц отделаться от насморка не мог.

Мастер Бенефорте равнодушно махнул рукой.

– Оно того стоило. А теперь, раз вы уже здесь, снимите-ка правый сапог. Меня что-то беспокоит ступня. При отливке статуи я должен буду загнать металл вниз почти на пять локтей. С головами забот не будет, ведь огонь устремляется вверх, но это же должен быть Персей, а не Ахилл, а?

Капитан покорно снял сапог и зашевелил пальцами ноги. Мастер Бенефорте сравнил плоть и воск, а потом удовлетворенно буркнул:

– Ну, если что-нибудь не получится тут, я сумею исправить.

– В этой восковой плоти видна каждая жилочка, – сказал Ури, наклоняясь ближе. – Я готов удивиться, что вы не изобразили мои заусеницы и мозоли, такой он живой. А из глины он выйдет таким же прекрасным в бронзе? Плоть ведь так нежна! – Он запрыгал на одной ноге, натягивая сапог.

– Ха! Это я могу показать вам наглядно. Мы только что отлили хорошенькую безделицу из золота. Я сколю глину у вас на глазах, и вы сами увидите, сохранятся ли заусеницы моей статуи.

– Ах, батюшка! – поспешно перебила Фьяметта. – Можно я сама его освобожу от глины? Ведь все остальное я делала одна!

Конечно, конечно, он ощутит ее заклятие, если возьмет глину в руки, оно же так свежо!

– Как, ты все еще шляешься без дела? Разве тебе нечем заняться? Или просто понадеялась еще разок поглазеть на голого мужчину? – Мастер Бенефорте дернул подбородком в сторону своего воскового Персея.

– Вы же хотите поставить его на площади, батюшка. И все девицы его увидят, – сказала Фьяметта, оправдываясь. Неужели он заметил, как она подглядывала, пока он лепил модель?

У живого Персея – Ури – лицо стало таким, словно это была для него новая и неприятная мысль. Он вновь взглянул на статую, будто собираясь попросить о бронзовой набедренной повязке.

– Ну, – мастер Бенефорте снисходительно усмехнулся ее смущению, – ты смелая хорошая девочка, Фьяметта, и заслуживаешь награды за кислое вино, которое выпила на завтрак и тем помогла мне сразить этого Фому неверного, Кистелли. Идемте! – И он повел обоих назад в мастерскую. – Вот увидите, капитан. Работать с воском так просто, что это и ребенку под силу.

– Батюшка, я уже не ребенок, – перебила Фьяметта.

– Как будто бы да. – Его улыбка стала пустой.

Глиняный шар лежал на столе, где она его оставила. Фьяметта взяла самую маленькую стамеску с полки-подставки на стене, на миг сжала шар в ладонях и вознесла безмолвную молитву. Неслышное гудение заклятия перешло в совсем уж неуловимое мурлыканье. Отец и капитан оперлись локтями на стол справа и слева от нее, внимательно следя за каждым ее движением. Она принялась постукивать стамеской, отбивая кусочки глины. Заблестело золото.

– А! Так это кольцо! – сказал Ури, наклоняясь еще ниже. Фьяметта улыбнулась ему. – Маленькая львиная маска, – продолжал он с интересом, пока ее пальцы осторожно убирали иголкой остатки глины. – Только поглядите на эти крохотные клыки! Как он ревет! – Капитан засмеялся.

– В клыки должен быть вставлен рубин, – объяснила Фьяметта.

– Гранат, – поправил мастер Бенефорте. – Рубин будет ярче.

– И дороже.

– Кольцо, по-моему, будет хорошо смотреться на руке вельможи, – заметил Ури. – И вы вернете цену рубину.

– Это кольцо для меня, – сказала Фьяметта.

– А? Но оно ведь будет впору только мужчине.

– Оно для большого пальца, – объяснила Фьяметта.

– Форма, которая обошлась мне в такое количество золота, какого хватило бы на два простых кольца, – вставил мастер Бенефорте. – В следующий раз, давая обещание, я буду точнее.

– И это магическое кольцо, мадонна?

Мастер Бенефорте погладил бороду и ответил «нет» вместо нее.

Фьяметта покосилась на отца из-под защитной завесы ресниц. Он не улыбался, но и не хмурился, но она ощутила, что под личиной равнодушия он внимательно следит за ней. Она резко повернулась, положила кольцо на ладонь капитана и затаила дыхание.

Он покрутил кольцо в пальцах, погладил мизинцем крохотные волны львиной гривы, но не попробовал его примерить. В его глазах появилось недоумение.

– Знаете что, мастер Бенефорте? Вы горько жаловались на своих ленивых и неуклюжих подмастерьев. И сейчас мне в голову пришла мысль... что, если я напишу моему брату Тейру в Бруинвальд? Ему только семнадцать, но он с самого детства работал там на рудниках и в кузницах. Он очень сметливый и пособлял мастеру Кунцу у печи. Так что его не придется обламывать и обучать всему с самого начала, как невежественного мальчишку-подмастерья. Он уже много знает о металлах, особенно о меди. И, наверное, успел подрасти и стать куда сильнее, чем был, когда я его видел в последний раз. Именно то, что вам нужно для вашего преславного Персея.

– Вы часто пишете брату? – осведомился мастер Бенефорте, следя, как он крутит кольцо в пальцах.

– Нет... Господи, я же не был дома четыре года! Жизнь рудокопа тяжела и скучна. Даже и сейчас меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю эти темные душевные туннели. Я два раза предлагал Тейру место в гвардии герцога, но он отвечал, что ему и думать противно о том, чтобы стать солдатом. Я-то говорю, он не понимает, что для него лучше. Но хоть славные знамена герцога не выманили его из той черной ямы, ваша слава искуснейшего художника его прельстит. – Рука Ури сомкнулась на кольце, он отдал его Фьяметте и рассеянно потер ладонь.

– Так он помогал медь выплавлять? – сказал мастер Бенефорте. – Да... Ну что же, напишите ему. Посмотрим, как все обернется.

Капитан улыбнулся.

– Сейчас же и напишу, – сказал он, изящно поклонился Фьяметте, пожелал мастеру Бенефорте доброго утра и удалился быстрым шагом.

Фьяметта села на табурет, держа кольцо, и испустила тяжелый вздох разочарования.

– Вы правы, батюшка. Бесполезно. Я просто не могу творить магию.

– Ты так думаешь? – мягко спросил мастер Бенефорте.

– Заклятие не сработало! Я вложила в него все сердце и душу, и ничего не произошло! Он даже на минутку кольца на палец не надел. – Она подняла глаза, вдруг осознав, что выдала свою тайну, но лицо мастера Бенефорте было скорее задумчивым, чем сердитым. – Но... но я ведь не была такой уж непослушной, батюшка. Вы не сказали, что я не должна накладывать заклятие на кольцо.

– Ты не спрашивала, – ответил он резко. – Тебе известно, что я никогда тебя этому не учил. Магия металлов слишком опасна для женщин. Во всяком случае, так я всегда думал. Но теперь я начинаю думать, не опаснее ли оставлять тебя необученной.

– Я для кольца пользовалась только заклинаниями, дозволенными Церковью, батюшка!

– Да, я знаю... Ты считаешь, что ты так уж непрозрачна, Фьяметта? – добавил он, заметив, как она расстроена. – Я мастер, дитя. Даже другой мастер не сумел бы воспользоваться моими книгами и инструментами так, чтобы я об этом не узнал.

– Но моя магия не удалась. – Она понурилась.

Он взял кольцо и поднес его к свету.

– Мне следовало бы побить тебя за твои хитрости и обман... – Он отбросил край фартука, свернутого на краю рабочего стола, осмотрел то, что лежало внутри, и неодобрительно сжал губы. – Ты воспользовалась заклинанием истинной любви мастера Ключи, так?

Она горестно кивнула.

– Эти чары не сотворяют истинной любви, дитя. Это было бы неразрешимым противоречием, ибо чувство, вызванное магически, не может быть истинным. Чары лишь позволяют узнать истинную любовь.

– О!

– Но твое кольцо, возможно, сработало, хотя магия мастера Ключи не для упражнений подмастерьев. Оно истинно открыло, что красивый, хотя и рябой капитан Окс – не твоя истинная любовь.

– Но... он мне нравится. Он добрый, учтивый. Держится благородно, не как грубияны-солдаты.

– Он просто первый мужчина, которого ты увидела, а вернее, заметила. И уж конечно, ты видела его целиком.

– Я в этом не виновата, – огрызнулась она.

– Все твои хихикающие подружки! Без них ты до такой нескромности не додумалась бы.

– Мне скоро шестнадцать, батюшка. Вы же знаете, соседскую Маддалену в прошлом месяце помолвили. Она уже примеряет свадебный наряд. А утренние новости? Дочке герцога Джулии всего двенадцать.

– С ней чистая политика, – сказал мастер Бенефорте. – И отнюдь розами не благоухающая. Да прикуси язычок, не то, если пойдут слухи, я буду знать, кто в них виноват. Синьору Ферранте уже не тридцать пять, и говорят о нем всякое. Его второй жене еще не было шестнадцати – твоя ровесница, ты только подумай! – когда она умерла родами два месяца назад. Вряд ли ее судьба кажется тебе такой уж завидной.

– Да нет, нет! И все-таки... вдруг чуть не все выходят замуж. Кроме меня. Всех мужчин получше разберут, а вы меня будете держать при себе, пока я не стану толстой старухой, просто чтобы я была под рукой для вашего чародейства. «Немножечко твоей крови в эту новую чашу из сырой древесины, доченька, одну капельку», пока я с ног не свалюсь. Кровь девственницы. Волосы девственницы. Слюни девственницы. Урина девственницы. В иные дни я чувствую себя магической короной.

– Твои уподобления слишком уж замысловаты, моя Фьяметта.

– Вы понимаете, о чем я! А тогда помолвите меня с каким-нибудь старым петухом с тощими ногами и лысым, как яйцо.

Мастер Бенефорте подавил смех:

– Что же, богатым вдовушкам неплохо живется.

– Ха! Тут нет ничего смешного, батюшка. – Она замолчала, а потом произнесла тихо: – Или вы уже попробовали, но меня никто не захотел взять, потому что я такая чернушка. Или бесприданница.

– Мою дочь никто бесприданницей не назовет! – прикрикнул он, на этот раз слишком уязвленный, чтобы сохранить насмешливость, которая выводила ее из себя. Но тут же совладал с собой и продолжал: – Охлади свою пылающую душу, Фьяметта, пока я не отолью моего великого Персея и герцог не наградит меня, как я того достоин. И в мужья я тебе куплю не какого-нибудь нищего солдата. У твоих подружек-болтушек рты поразеваются и языки отнимутся – почаще бы! – от зависти, когда они увидят свадебную процессию дочери Просперо Бенефорте! – Он отдал ей кольцо. – А потому сохрани эту золотую безделицу как напоминание, что доверять надо своему отцу, а не своему невежеству. Маленький лев еще зарычит на твоей свадьбе.

«Я же выпила твое отравленное вино. Какого еще доверия ты требуешь?» – Фьяметта опустила кольцо в самую глубину своего кармана и пошла за метелкой, чтобы смахнуть с рабочего стола кусочки глины.

Глава 2

Сапоги Тейра Окса скользили по снегу на тропе, уводившей из деревушки Бруинвальд в долине к навесу над шахтой рудника. Он задумчиво пнул в серо-белую кучу у тропы, и она разлетелась безобразными комьями – не облаком холодной серебристой пыли, как несколько недель назад, и не весенними комочками напололам с брызгами. Да уж лучше весенняя снежная слякоть – любой предвестник наступления теплых дней. Свинцовый рассвет сулил еще один свинцово-серый зимний день. Зима словно бы решила длиться вечно. Ну да дневного света он увидит мало. Тейр вновь вскинул кирку на плечо, а свободную руку сунул под мышку в тщетной попытке согреться. Сверху донесся крик, он поднял глаза и поспешно отпрыгнул к краю тропы, благоразумно укрывшись за деревом. Мимо пронеслись деревянные сани с тяжелым кулем руды, на котором восседал мальчишка и вопил, как конный татарин. За первыми санями почти сразу промелькнули вторые: видимо, мальчишки устроили гонки – кто первым достигнет дна долины. Да как бы не с переломанными костями, если они не подберут ноги перед следующим поворотом. Однако мальчишки благополучно скрылись за поворотом, и Тейр ухмыльнулся. Два года назад свозить руду к речке внизу было его любимой зимней работой, но тут он вырос, раздался в плечах, и все, не сговариваясь, начали поручать ему работу потяжелее.

Он подошел к деревянному сараю, укрывавшему подъемник и мехи вентиляционного устройства, и с радостью спрятался там от ледящего утреннего ветра, который свистел над склонами, срываясь с голых вершин. Там уже был рудничный надзиратель – он наливал дневную порцию ворвани в их фонари. Хенци, приятель Тейра, снял запор с блока, проверил барабан и шестерни ворот. Может, в будущем году им будет по карману установить машину побольше, так чтобы в движение ее приводила упряжка волов или лошадей. Ну а пока руду все равно надо поднимать, а потому двое дюжих мужчин бежали в колесе, которое поворачивалось под их напряженными ногами. Тяжелая работа. Но зато они видят дневной свет!

– Доброе утро, мастер Энтльбух, – сказал Тейр надзирателю со всей учтивостью, надеясь, что его поставят вертеть колесо. Но мастер Энтльбух крикнул что-то невнятное и сунул ему фонарь.

Вошел Фарель, рудокоп, притоптывая, чтобы стряхнуть снег с сапог, и тоже получил фонарь, заправленный ворванью, корзины и деревянные лотки для черной медной руды.

– Мастер Энтльбух, а священник придет окурить рудник от кобольдов? – с тревогой спросил Фарель.

– Нет, – буркнул мастер Энтльбух.

– Они там совсем обнаглели. Вчера опрокинули два фонаря. А цепь водяного насоса, она не просто от ржавчины лопнула...

– От ржавчины, – сердито ответил надзиратель. – Потому что кто-то смазал ее кое-как, не иначе. Ну а фонари – можно сказать «кобольд», а можно «косорукий», и второе, на мой взгляд, вернее будет. Так что отправляйтесь вниз и отыщите нынче хорошую руду, пока мы все с голоду не поумирали. Вы двое начинайте в верхнем забое.

Тейр и Фарель уложили свои инструменты в ведро и начали спускаться по деревянной лестнице.

– Нынче он что-то люет, – шепнул Фарель над головой Тейра, едва они спустились на несколько перекладин в обшитом досками стволе. – Об заклад побьюсь, не хочет раскошелиться священнику на ладан.

– Скорее не может, – вздохнул Тейр.

Немногие жилы, которые они теперь выламывали, становились из месяца в месяц все беднее, и руды вымывалось столько, что плавильня мастера Кунца работала не больше двух

раз в месяц. Не то Тейр был бы сейчас в плавильне, чистил бы остывшие печи, подбрасывал топливо в ревуший огонь и следил бы, как мастер Кунц превращает черные куски в чистый, дышащий жаром жидкий металл. Работай он у мастера Кунца, так не стучал бы зубами от холода. Не наняться ли к углежогам? Да только раз плавильня простаивает, так и древесный уголь мало кому требуется. Управляющий грозил закрыть рудник, если добыча не вырастет. Потому-то, сказал дядя Тейра, надзиратель так злится. Ну что же... надо просто остерегаться кобальдов.

Они добрались до низа, и Хенци спустил ведро с инструментами. Тейр натянул капюшон на светлые волосы, чтобы в них не набилась каменная пыль, и надежно укрыл затылок и шею. Они пошли по наклонной штольне в оранжевом мерцании фонарей, и на уши Тейра навалилось тягучее безмолвие камня. На многих эта тишина наводила жуть, но Тейр ощущал в ней что-то утешительное, терпеливое, неизменное, материнское. Другое дело неожиданный шум, внезапный стон смещающейся каменной глыбы – вот они были страшны.

Шагов через пятьдесят штольня разделилась на две уводящие в недра горы кривые галерейки, оставшиеся от выработки богатых медных жил. Одна круто уходила вниз, и Тейр обрадовался, что сегодня не будет таскать по ней вверх корзины с рудой. Чернели дыры, из которых после выработки жилы забрали крепежные стойки. Тейр с Фарелем пошли по верхней горизонтальной галерке. Вскоре она уперлась в каменную стену.

Фарель аккуратно поставил фонарь так, чтобы его не могли задеть летящие осколки, и взял кирку.

– Ну давай, малый.

Тейр встал так, чтобы при размахе не задеть Фареля, и они принялись долбить тусклые пятна на камне – остатки медной жилы. Через полчаса такой работы оба начали задыхаться.

– Неужто олух Энтльбух еще не запустил мехи? – Фарель утер мокрый лоб.

– Пойди покричи, – предложил Тейр, сгребая в корзину отбитую руду, чтобы Фарель захватил ее с собой. И половины не набралось.

В наступившей тишине Тейр уловил отголоски стука кирок в нижней галерейке. Порода была твердой, жилы узкими, и за последние три месяца они продвинулись на какие-то пятнадцать футов. Тейр надел сшитые ему матерью кожаные наколенники и начал долбить стенку внизу, пока не задохнулся. Тогда он разогнул ноющее тело, встал и оперся на кирку, чтобы немного отдышаться.

Фарель еще не вернулся. Тейр огляделся, потом подошел к стене забоя и прислонился к ее выщербленной иззубренной поверхности. Он прижал растопыренные пальцы к пятну руды и закрыл глаза. Гомон его мыслей растворился в неясной тишине, единой с тишиной камня. Он стал камнем. Он ощущал прожилки руды, словно сухожилие, тянущееся в его руке. Источающийся через десять футов, сходящий на нет... и все же в нескольких футах дальше, словно косой удар меча – богатейшая жила, самородная медь, будто застывшая ледяная река, молящая о свете, чтобы она могла засиять...

– Этот металл зовет меня, – прошептал про себя Тейр. – Я его чувствовал. Я чувствую!

Но кто ему поверит! И откуда эти видения? Или они – ложь, приманки дьявола? Штуси, кожевник, когда-то в горячке бормотал о видениях, а потом у него из носа выполз длинный червяк, и он умер. Видение Тейра пульсировало опасностью, мучительно смутной, исчезающей, как туман, едва его пустоту заполняла неясность именно этого вопроса. Что?.. Его руки вцепились в камень.

Уголкем глаза он уловил какое-то движение – гаснет фонарь? Или возвращается Фарель? Он, краснея, отпрянул от стены. Но шарканья сапог не было слышно, а фонарь мигал не больше обычного.

Вот оно! Тень в колеблющихся тенях... этот странной формы камень зашевелился! Тейр застыл, едва дыша.

Камень распрямился – смахивающий на бурую корягу человек, высотой фута в два с чем-то вроде кожаного фартука рудокопа на чреслах. Он хихикнул и отпрыгнул в сторону. Черные глазки блестели в лучах фонаря, точно отполированные камешки. Он подскочил в корзинке Тейра и словно положил в нее кусок руды.

Тейр сохранял неподвижность. Впервые за все время, проведенное в рудниках, он увидел гнома так близко и так ясно, а прежде – только уголком глаза вроде бы движение, но стоило ему повернуться туда, и оно как будто сливалось со стеной. Человек снова хихикнул и наклонил острый подбородок к плечу с комично вопросительным видом.

– Доброе утро, малыш, – прошептал Тейр заворуженно, надеясь, что того не спугнет звук его голоса.

– Доброе утро, мастер-металлыщик, – ответил кобольд дребезжащим голосом.

Он впрыгнул в корзинку, посмотрел через край на Тейра и выпрыгнул. Его движения были быстрыми и дергающимися. Тощие руки и ноги завершались длинными приплюснутыми пальцами с суставами, как узлы на корнях.

– Я не мастер. – Тейр улыбнулся, присел на корточки, чтобы не возвышаться угрожающе, и нащупал на поясе фляжку, в которую его мать перед зарей налила козьего молока. Осторожно он протянул руку к бато – широкому деревянному блюду, на которое укладывались куски лучшей руды, перевернул его, потряс, стряхивая грязь, а потом налил в него молока и приглашающе придвинул к человеку. – Пей, если хочешь.

Тот снова захихикал и подскочил к краю. Он не поднял блюда, а наклонил голову и принялся лакать, будто кошка, – острый язычок так и мелькал. Но его блестящие глазки не отрываясь смотрели на Тейра. Молоко было выпито быстро. Кобольд сел, тоненько, но вполне внятно рыгнул и утер губы похожей на веточки кистью.

– Вкусно!

– Магушка наливает его на случай, если мне до обеда захочется пить, – машинально ответил Тейр и тут же почувствовал себя глупо. Уж наверное ему следовало схватить эту нечисть, а не пускаться с ней в разговоры. Сдавить хорошенько: пусть скажет, где скрыто золото, или серебро, или клад. Однако лицо, морщинистое, как печеное яблоко, выглядело скорее почтенным, а не злым или угрожающим.

Человек бочком подскочил к Тейру. Тот напрягся. Медленно прохладный узловатый палец вытянулся и прикоснулся к запястью Тейра. «Вот сейчас и схватить его!» Но он не мог, не хотел пошевелиться. Кобольд проскакал по неровному полу и потерялся о пятно жилы в стене. Он расплылся, словно бы таял... «Удирает!»

– Мастер Кобольд, – с отчаянным усилием прохрипел Тейр, – скажи мне, где я найду свое сокровище?

Кобольд задержался, его полуприкрытые веками глазки уставились прямо на Тейра. Ответом был скрипучий полунапев, словно ворот запел, поднимая тяжелый груз:

– Воздух и огонь, мастер-металлыщик, воздух и огонь. Ты земля и вода. Иди к огню. Ледяная вода тебя погасит. Холодная земля закроет твой рот. Холодная земля хороша для кобольдов, а не для мастеров-металлыщиков. Могильщик, могильщик, иди к огню и живи!

Он встал в жилку, оставив после себя только замирающее хихиканье. Загадки! Задай проклятому гному прямой, простой вопрос, а в ответ услышишь загадку. Мог бы заранее знать! А голосишко звучал так, что слова получали двойной смысл. Могильщик! Хмурый рудокоп? Или человек, который сам себе вырубает могилу? И о ком это? О нем, о Тейре? От стынувшего на коже пота его до костей пробрал озноб. Дрожа, он упал на колени. Сердце у него колотилось, в ушах стоял рев, точно в печи мастера Кунца, когда работают мехи. И в глазах потемнело... нет, огонек в фонаре стал маленьким, тусклым... Но ворвани же было вдосталь!

В уши режуще ворвался голос Фареля:

– Богоматерь, ну и смердит же здесь! – А потом: – Эй, малый, э-эй!

Сильные пальцы сомкнулись на плече Тейра и грубо подняли на ноги. Тейр зашатался. Фарель выругался, закинул руку Тейра себе на шею и повел по штольне.

– Дурной воздух, – сказал Фарель. – Вентиляционные мехи всюду работают. Наверное, трубу засорило. Черт! Может, кобольды закупорили.

– Я видел кобольда, – сказал Тейр. Сердце у него стучало все так же, но в глазах прояснилось, хотя что можно толком увидеть среди теней в сердце горы?

– Камнем в него швырнул? – сказал Фарель с надеждой.

– Напоил молоком. Ему как будто понравилось.

– Олух! Господи помилуй! Мы стараемся очистить рудник от нечисти, а не приваживать новых! Покорми его, так он зайвится опять со всей своей братией. Понятно, почему от них тут деваться некуда!

– Да я в первый раз увидел кобольда. И он вроде был очень приветлив.

– Брр! – Фарель покачал головой. – Скверный воздух, вот что. От него всякое привидится.

Они вышли к началу развилки. Воздух тут был достаточно свежим. Фарель посадил Тейра возле деревянной трубы, через которую мехи гнали воздух в нижние штольни.

– Посиди тут, а я сбегая за мастером Энтльбухом. Потерпишь, а?

Тейр кивнул, и Фарель скрылся в туннеле. Тейр услышал, как он, стоя у ствола, орет, перекрикивая скрип и стоны деревянных механизмов. Тейра все еще бил озноб. Он крепче обхватил руками грудь и поджал ноги под себя. Фарель забрал фонарь, и вокруг сомкнулась чернота.

Наконец вернулся Фарель с мастером Энтльбухом, который поднес фонарь к лицу Тейра и с тревогой взгляделся в него. Он расспросил Тейра, что он чувствовал, и пошел назад по штольне с Фарелем, стуча палкой по деревянной трубе. Потом вернулся Фарель с фонарем и инструментами Тейра.

– Обвал проломил трубу. Мастер Энтльбух сказал, чтоб в верхнем забое сегодня не работали. Как оправишься, спустишь в нижний, поможешь подносить корзины.

Тейр кивнул и встал на ноги. Фарель открыл свой фонарь, чтобы Тейр мог взять огня для своего. «Воздух и огонь, – подумал Тейр. – Жизнь».

Теперь ему стало заметно легче, и он спустился по нижней галерейке в поисках других рудокопов. Он осторожно ступал по крутому наклону, чтобы не расплескать ворвань, и еще более осторожно слезал по приставной лестнице вниз еще на тридцать футов. Эта нижняя галерейка осталась после выработки извилистой жилы, сначала уходившей вниз, а затем повернувшей вверх. В дальнем конце четверо парами посменно рубили породу и сортировали отколотые куски, что заодно служило и отдыхом. Они поздоровались с ним обычным тоном – Никлаус бодрым, Бирс унылым, а остальные двое не слишком бодро и не слишком уныло.

Тейр наложил отобранную руду в корзину, поднял ее на плечо и пошел вниз-вверх по галерейке к стволу. Там ссыпал руду в кожаное ведро, взобрался по перекладинам, повесив корзину на локоть, воротом поднял ведро, пересыпал руду в корзину, отнес ее к стволу клетки, опрокинул руду в большую деревянную бадью и крикнул Хенци, который взялся за большой ворот, и бадья исчезла из вида в стволе. А Тейр пошел насыпать корзину еще раз, а потом еще раз, пока не потерял счет. Он совсем изнемог от работы и голода, когда Хенци наконец спустил ведро с хлебом, сыром, пивом и ячменной водой. Всему этому рудокопы в нижнем забое оказали куда более приветливый прием, чем прежде Тейру.

После обеденного перерыва к ним присоединился Фарель.

– Мы с мастером Энтльбухом выпилили разбитый кусок трубы, и он пошел за новым целым, отпиленным по мерке.

Фареля встретили обычным бурканьем. Тейр поработал киркой и молотом там, где порода была особенно твердой – камень звенел, осколки разлетались во все стороны. Руки,

спина и шея у него все сильнее ныли, рудничные запахи словно набивались в голову – запахи холодной сухой пыли, нагретого металла, горячей ворвани, ее едкого дыма (ведь ворвань эта была не самой лучшей), пропотевшей шерсти, дыхания его товарищей, разившего луком и сыром.

Когда они наконец отбили достаточно хорошей руды, чтобы наложить корзину с верхом, Тейр и Фарель понесли ее вместе. Они прошли полпути до лестницы, когда в оранжевом свете фонаря мелькнула изогнутая фигурка, скользящая вдоль стенки штольни.

– Проклятое демонское отродье! – крикнул Фарель. – Проваливай!

Он выпустил ручку корзины, взмахнул киркой и запустил ее в кобольда. Тихо охнув, фигурка слилась с камнем.

– Ха! Вроде бы я его задел! – сказал Фарель и шагнул к кирке, которая вонзилась в стену.

– Зря ты, – сказал Тейр, волей-неволей выпустив и свою ручку. Он поставил фонарь на руду. – Они кроткие создания и никакого вреда вроде бы не чинят – просто, что ни случится, винят их.

– Не чинят, как бы не так! – проворчал Фарель, дергая кирку, которая крепко застряла. Он дернул еще раз, потом уперся ногой в стену и рванул. Кирка выскочила, отломив большой кусок породы, а Фарель отлетел назад и стукнулся затылком о крепежную стойку. – Не вредят! – завопил он, потирая голову. – Это, по-твоему, не вредят? – Он поднялся с пола.

От новой дыры поползла щель, странно темнея на глазах у Тейра. Из нее засочилась вода.

– О-ох! – прохрипел Фарель, глядя через его плечо.

Гора застонала – глубокие содрогания, которые Тейр каким-то образом слышал не ушами, а нутром. Капли превратились в струйку, потом в струю, которая ударила в противоположную стену. Из глубины штольни донеслись треск, крики и агонизирующий вопль.

– Кровля рушится! – с ужасом взвизгнул Фарель. – Бежим! – Он бросил кирку и кинулся вверх по штольне. Тейр побежал за ним, испуганно поднимая руки, чтобы не стукнуться в темноте лбом о поперечный брус крепи.

У подножия лестницы они остановились.

– Но ведь ничего больше не обвалилось, – сказал Тейр растерявшемуся Фарелю.

– Пока, – ответил Фарель. Его рука появилась из ниоткуда, нашаривая Тейра. Тейр схватил ее. Она была ледяной от пота.

– Похоже, там внизу кого-то поранило, – сказал Тейр.

Он услышал, как сглотнул Фарель.

– Я сбегая за мастером Энтльбухом, – сказал Фарель не сразу. – Приведу подмогу. А ты вернись, посмотри, что случилось.

– Ладно. – Тейр повернулся и побрел назад по штольне. Он ощущал всю тяжесть горы, нависающей сверху. Если гора еще содрогнется, бревна крепи переломает, как лучинки. «Холодная земля закроет твой рот, могильщик...» Оттуда, куда он брел, больше не доносились ни вопли, ни крики, только шипение воды.

Впереди показалась накренившаяся корзина с рудой и фонарь на ней – он все еще горел. Вода, бившая из стены, стекала по наклонному полу. Тейр взял фонарь и пошел дальше, скользя и спотыкаясь на мокрых камнях. У изгиба выработанной жилы колыхалась лужа. Она тянулась до того места, где кровля штольни скашивалась ей навстречу. Неудивительно, что он ничего не слышал. Люди в забое оказались в воздушном кармане, слой воды гасил их крики. А вода, хитро пробираясь сквозь все трещинки, какие могла отыскать, все сжимала и сжимала этот карман.

Мокрая голова разорвала непрозрачную мерцающую поверхность, человек сплюнул и начал судорожно глотать воздух. Рядом возникла вторая голова. Тейр поспешно протянул руку и помог рудокопам выбраться из воды – второй цеплялся за первого. У него был оглушенный

вид, лоб рассечен, и из-за стекавшей с него воды казалось, что кровь из раны льет рекой. Глаза первого были выпучены от страха.

– Остальные шли за вами? – спросил Тейр.

– Не знаю, – пропыхтел Матт, первый. – Никлауса вроде бы камнями придавило.

– А Бирс остался с ним?

Храбрый Бирс. Во всяком случае, храбрее Тейра, это уж так. Будь у отца Тейра такой вот храбрый напарник шесть лет назад, он бы жил и жил!

Матт покачал головой:

– Я думал, он с нами. Только он воды до ужаса боится. Знахарка ему нагадала, что никакая смерть ему не страшна, если он не утопист. Он воду даже не пьет. Только пиво.

А вода поднималась и лизала носки Тейра. Он попятился. Они все вглядывались в воду, но ни одной головы больше не вынырнуло. Человек с кровоточащей раной во лбу пошатнулся.

– Уведи-ка ты его отсюда, а не то нам придется его нести, – сказал Тейр. – Помощи ждать уже недолго. Я... посторожу тут. Скажи им там, наверху, чтобы качали воздух. Может, это задержит воду.

Матт кивнул, обнял раненого за пояс, и они пошли вверх по штольне. Тейр стоял и смотрел, как поднимается темная вода. Чем дальше они будут ждать, тем глубже она будет становиться и тем труднее будет... «Ледяная вода тебя погасит». Головы не выныривали. Вода вновь уже лизала носки Тейра, и вновь он отступил. Он подавил крик отчаяния, и у него вырвался только писк, как у раненого кобальда. Тейр поставил лампу на пол, в нескольких шагах от воды, повернулся и вошел в воду.

Когда она поднялась выше сапог и ледяная волна захлестнула ему пах, он на миг перестал дышать, но продолжал идти, пока его подошвы не оторвались от пола. Он набрал в грудь побольше воздуха, повернулся и начал продвигаться дальше, отталкиваясь от ушедшей под воду кровли. Ниже... ниже... Он ощущал нарастающее давление в ушах, они все больше немели. И тут – подъем, слава Богу! Дальше галерейка уходила вверх. Он начал отталкиваться быстрее. Если воздушного кармана там не окажется, тогда он...

Его рука с плеском вырвалась в несопротивляющийся воздух, а затем и голова. Он задышал так же судорожно, как Матт. И было не совсем темно. Чей-то фонарь продолжал гореть. Его ноги нащупали пол, и он зашлепал по сухому камню. У него даже глаза замерзли, кожу на голове стянуло, пальцы изогнулись в окостенелые клешни. Знобкий оранжеватый воздух казался горячим.

У края воды стоял Бирс и рыдал.

На полу у стены забоя что-то копошилось. Никлаус! Он осыпал Бирса проклятиями. И вдруг прервал их.

– Тейр? Это ты?

Тейр встал на колени в сумраке возле Никлауса и больше на ощупь разобрался, что произошло. Ногу Никлауса придавило краем косо упавшей плиты. Кость была раздроблена, мышцы раздавлены, и нога уже опухала, как определили пальцы Тейра. Проклятая плита была такой большой! Тейр схватил кирку, подsunул ее конец под плиту и нажал. Плита только чуть оторвалась от пола.

– Бирс, помоги мне! – потребовал Тейр, но Бирс захлебывался слезами, словно ничего не слышал и не видел – настолько замороженный своей воображаемой погибелью, что не замечал того, что происходило у него за спиной. Тейр подошел и потряс его за плечо – сначала легонько, потом изо всех сил. – Полоумный, очнись! – закричал он в лицо Бирсу.

Бирс не перестал рыдать, но помогать ему начал. С помощью кирки, лопаты, лома, подкладывая под них камни после каждого нажима, они, кряхтя, приподняли плиту. Никлаус закричал, когда кровь хлынула в его онемевшую ногу, но все-таки успел выдернуть ее и откатиться в сторону.

– Вода продолжает подниматься, – сказал Тейр.

– Так было предсказано! – простонал Бирс.

Тейр сжал кулаки и надвинулся на него.

– Знахарка правду сказала. Тебе суждено утопнуть. Я сам суну твою голову под воду и подержу там, если ты мне не поможешь.

– Воткнуй ему, Тейр! – прохрипел Никлаус с пола. Бирс попятился, подавляя скулящие рыдания, а с ними и свой ужас.

– Возьми Никлауса под другую руку. Набери воздуха и отталкивайся, это же просто. Те двое выбрались.

Они подтащили Никлауса к воде и вошли в нее. Тейр оттолкнулся подошвами и нырнул под свод. Замахав руками, Бирс с паническим воплем отпрянул.

Ну что же. Таща за собой Никлауса, у которого, во всяком случае, хватило ума свободной рукой цепляться за стену и помогать отталкиваться, Тейр плыл. На этот раз тепло быстрее высасывалось из его ноющих мышц и костей. Когда они всплыли на поверхность, у Никлауса глаза закатились от напряжения и боли.

Но их там ждали мастер Энтльбух с Фарелем и еще двумя рудокопами. Втроем они быстро уложили Никлауса на одеяло и зашагали по штольне.

– Кто-нибудь остался? – спросил мастер Энтльбух.

– Бирс. – Тейр расчихался, его бил озноб, по телу пробегали судороги.

– Его что, придавило?

– Нет. Но его всего скрутил ужас перед водой из-за какого-то дурацкого предсказания.

– А ты не можешь сплывать за ним?

– Он бы сам выбрался, если бы захотел. – Шерстяной капюшон, туника и башмаки набрякли, налились свинцовой тяжестью от воды, обременяли его тело. В раздражении Тейр сорвал брызжущий капюшон через голову, будто хомут, и он шмякнулся на пол.

Гора снова застонала. Бревна крепи загудели, как волынка, и внутри их словно защелкали градины.

– Вот-вот обвалится! – Голос мастера Энтльбуха напрягся. – Мы должны очистить этот забой сейчас же.

Приглушив свой внутренний вопль, Тейр повернулся и третий раз вошел в воду. Тело у него так онемело, что он почти не почувствовал холода. В голове стучало, перед его крепко зажмуренными глазами свивалось странное красное кружево, но тут он вновь вдохнул воздух. Когда он с трудом выбрался из воды на этот раз, сухого камня до стены забоя оставалось не больше ярда. Там скорчился Бирс, молясь или просто выкрикивая «Боже! Боже! Боже!» Тейру показалось, что блеет баран.

– Идем! – заорал Тейр. – Нас тут погребет!

– Я утону! – взвизгнул Бирс.

– Не сегодня, – рявкнул Тейр и ударил его в подбородок стиснутым кулаком. К его удивлению, Бирс стукнулся о стену и упал, оглушенный первым же ударом. Тейр в первый раз ударил кого-то со всей своей силой взрослого мужчины, не как в щенячьих потасовках с другими мальчишками. Челюсть Бирса как-то странно скособочилась. Но это потом. Тейр зажал голову Бирса под мышкой и втащил его в ледяную воду.

Но и оглушенный, Бирс начал вырываться, едва они погрузились под воду. Тейр еще крепче зажал его голову, цепляясь и отталкиваясь другой рукой. Его легкие гнали воздух к плотно сомкнутым губам, и он невольно выдохнул немного. «Ледяная вода тебя погасит...» Но не сегодня, не сегодня, не сегодня. Господи, спаси меня для веревки...

Он вынырнул в ошеломляющую непроглядную черноту. Мастер Энтльбух ушел и унес фонарь. Свободная рука Тейра заметалась, ища стену, или пол, или кровлю – хоть что-то, чтобы разобраться. Наконец он задел стену, которая словно ожгла его вытянутые пальцы. Его ноги

отыскали наклонный пол. Холод согнул его почти пополам, руки и ноги были в узлах, словно под кожу загнали грецкие орехи. Он выбрался из воды со своей ношей. Бирс хрипел, выплевывал воду и, значит, был жив и не утонул. Тейр боялся выпустить его в темноте, хотя Бирс извернулся и изверг ему на колени кварту проглоченной воды. Тейр поднялся на ноги и поволок Бирса по штольне.

Лестница нижнего ствола оказалась кошмарным препятствием, Тейр никак не мог, толкнув Бирса на нижнюю перекладину, заставить своего оглушенного товарища вскарабкаться по ней. Он грозил, ободрял:

– Лезь же, лезь! Хватайся руками! Поднимай ноги!

У него самого пальцы почти парализовало, они загнулись в растопыренные клешни. И тут же из галерейки под ними донеслось почти ритмичное потрескивание, а затем оглушительный грохот. Сапоги Бирса исчезли из-под носа Тейра. «Упал!» – панически подумал Тейр, но тотчас ему на голову посыпались камешки, так отчаянно выкарабкивался Бирс из ствола. «Нет, он пришел в себя». Тейр тоже начал карабкаться, а когда выбрался в верхнюю штольню, побежал вперед, словно скорчившийся заяц.

Он присоединил свои вопли к хриплым крикам Бирса у ствола подъемника. Казалось, прошла вечность, прежде чем им спустили бадью. Тейр свалил в нее Бирса, а сам полез вверх по перекладинам. На полпути он чуть не потерял сознание, но серый свет над головой тянул его к себе как серебряное обещание рая. Когда он выбрался в сарай, Хенци извлекал Бирса из бадьи. Тейр стоял, обхватив руками колени, легкие у него работали, как мехи.

– А инструментов ты никаких не вынес? – обеспокоенно осведомился у него мастер Энтльбух.

Тейр уставился на него, как бык, которого ударили обухом по лбу. Бирс, едва встал на ноги, промямлил что-то невнятное, но, судя по тону, злобное, замахнулся на Тейра, но удар пришелся мимо, и Бирс свалился на пол. За дверью сарая под хлещущим ветром шуршала весенняя ледяная крупа.

– Я пойду домой, – сказал Тейр.

* * *

Окостенев от холода, он наконец добрал до своего домика. Мать с ужасом оглядела его, тут же стащила с него задубевшую одежду, уложила в собственную постель между двумя пуховыми перинами, куда сунула нагретые камни, напоила горячей ячменной водой, подслащенной медом, и ни словом не заикнулась ни об инструментах, ни даже о пропавшем капюшоне. Но прошло целых два часа, прежде чем он наконец перестал дрожать и трястись словно в пляске святого Витта. Матери он отрывисто рассказал о случившемся, опуская подробности, но все равно лицо у нее потемнело, губы сжались. И она не отходила от него ни на шаг, пока у него не перестали стучать зубы.

Когда его голос стал почти обычным и она наконец уверилась, что он, наверное, останется жив, то прошла через комнату к полке над очагом и вернулась с листом бумаги, который похрустывал, пока она его разворачивала.

– Вот, Тейр. От твоего брата Ури. Пришло утром. Он нашел для тебя очень хорошее место.

Ури все еще пытается заставить его взять пику наемника? Красная сургучная печать уже была сломана: их полная дурных предчувствий мать каждое редкое послание встречала со скрытым ужасом, ожидая известия о болезнях, воспалившихся ранах, ампутациях, о проигрыше всех денег или гибельной помолвке с какой-нибудь из шлюшек, вьющихся возле казарм, – о любой из смертельных опасностей, угрожающих солдату.

Но Тейра отталкивали вовсе не опасности солдатского ремесла. Вся жизнь состоит из опасностей. И он охотно ковал бы мечи. Ему случалось видеть работу миланских оружейников, от которой дух захватывало. Но затем взять это произведение искусства и воткнуть его в живого человека... нет! Он испустил страдальческий вздох и взял письмо.

Его руку до плеча пронизало странное ощущение. Пальцы согрелись. И пока он читал, усталость отпустила его, и он сел в кровати. Стать вовсе не солдатом... Его глаза быстрее побежали по строкам: «...подмастерьем золотых дел мастера герцога и мастера-мага... чудесная бронзовая статуя, изготовляющаяся для его светлости герцога... нуждается в сильном мышленном юноше... такой случай...» Тейр погладил лист. Солнце уже жарко греет на южных склонах за перевалом в Монтефолье. Летом солнце будет пылать как плавильная печь! Он облизнул губы.

– А как думаешь ты? – спросил он у матери.

Она мужественно собралась с духом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.